

ПРЕДИСЛОВИЕ — ОТ ИСТОРИКА

На мой взгляд, книга Сергея Сергеева-Лопухина развивает исключительно интересное направление в истории. И не только в истории как науке о прошлом, но и в истории как части массового сознания.

Как вообще полагается описывать правителей прошлого? Сидят такие на престоле и издают указы или ведут армии. С одной стороны, невелика роль личности в истории: главное не каким человеком были Петр I Алексеевич или Александр I Павлович, а чтобы сложилась «правильная» историческая необходимость. С другой стороны, все же интересно: как понимали современники эту самую «историческую необходимость»? Что вообще думали они про завоевание Прибалтики или про резание бород?

Но в целом это исследуют мало, о психологии людей прошлого пишут скупо. Представления человека, далекого от научной истории? Тут вообще мрак. Традиционно получается так, что правители вещают с высоты тронов, а мы смиренно взираем на них снизу. Правители могут быть мудры и велики, могут быть в чем-то ограничены, а то и вовсе «ошибаться», но в любом случае — вещают они из некоего исторического поднебесья. Из разреженных пространств Высокой Политики, и голосами их гласит сама История.

Как выразился Алексей Константинович Толстой: «Не нам понять высоких мер, Творцом внушаемых вельможам».

И как-то утрачивается понимание: правители прошлого — не божества. И не с Марса они свалились. Россией правили самые обычные люди, мужчины и женщины.

На престол садился человек, который родился, рос и воспитывался, как все остальные люди. Зимний дворец был его домом, а летний дворец – дачей, на которой жила семья в теплое время года. Действующего правителя он называл не «его величеством» и не Императором, а папой... И не важно, произносил он это слово по-русски или с французским произношением, «рара» (с ударением на последней гласной) или называл отца немецким Vati.

Великолепно сказано у Марка Твена: когда несчастный принц узнает, что его отец скончался, «сердце осиротевшего ребенка больно сжималось; он весь дрожал. Для него это была тяжелая утрата, большое горе, потому что грозный, суровый, страшный для всех тиран с ним был всегда добр и нежен. В эту минуту мальчик чувствовал себя самым несчастным, самым покинутым и беспомощным из Божьих созданий».

И таков любой принц – он любит папу и маму точно так же, как сын купца, служилого человека или простолюдина.

Принц проходил свою школу учений, наказаний, жизненных встреч, приключений подростка и юноши, первых влюбленностей, очарований и разочарований. Как и все люди.

На примере этих людей хорошо видно, как воспитание накладывалось на характер и тип личности и что из этого получалось. В конце концов, и Анхаль-Цербская принцесса, и голштинский принц были подростками, с которыми обращались совершенно безобразно и притом очень жестоко.

Наследника трех престолов, будущего императора Петра III, грубость, хамское пренебрежение и розги сделали сломавшимся человеком, жаждавшим самоутверждения даже ценой вранья и жизни в выдуманном мире. Анхаль-Цербскую принцессу, прошедшую девичий вариант такой же примерно «школы», воспитание сделало смертельно

опасной интриганкой, способной на самые мерзкие предательства, измены и преступления.

Принц и принцесса, царь и царица так же точно любили или не любили супругов, как купец или крестьянская женщина. Так же любили своих детей – любовью, естественной для всякого.

Когда Чоглокова по прямой просьбе Елизаветы объясняет великой княгине Екатерине, что во имя интересов государства для рождения наследника допустимо и наставить рога законному мужу, речи эти ведутся не с абстрактным инкубатором для производства наследников престола, а с человеческим существом. С молодой женщиной. И не всякая кинется отстаивать «интересы государства».

Когда Петр III Федорович собирается (по примеру дедушки) отправить жену в монастырь и жениться на Елизавете Воронцовой, это не только и не столько великое государственное деяние. Это еще и поступок разочарованного мужа – остается гадать, разочарованного женскими или человеческими качествами доставшегося ему чудовища. В конце концов, для государства не так и важно, какую фамилию носит правящая династия. Вот для человека на престоле это один из важнейших жизненных вопросов: какова его жена и чего достойна: императорских порфиров или просмоленной веревки.

Если даже сам наследник престола не совершал преступлений, старался избегать несправедливостей и гадких поступков, он жил в поле последствий, совершенных... ну, пусть на благо государства.

Действительно попробуйте прокатать на языке применить к самому себе примерно такой текст: «Бабушка ненавидела дедушку, и никто точно не знает, от дедушки она родила папу или от другого мужчины. В конце концов бабушка убила папу руками любовников, и опять же никто точно не знает, как совершилось это страшное дело.

Бабушка обещала любовникам, что отдаст папе наследство, а сама станет правительницей, пока папа не вырастет. Но бабушка не отдала наследства папе; всю свою жизнь, до смерти бабушки, папа боялся, что его убьют. Прихлебатели бабушки всячески издевались над ним, а бабушка это одобряла. Такая судьба навсегда сломала характер папы и превратила его в невротика. Долгое время я думал, что бабушка отдаст наследство мне и брату, а папу прикончит. С детства я должен был лицемерить и врать, угождая бабушке и ее очередному любовнику... а они менялись постоянно».

Произнесли сей текст? Прониклись? А ведь все написанное – лишь краткая справка о судьбе Императора Александра I Павловича. О его бабушке, дедушке и об отце.

Но реально описывать правящих лиц у нас не принято – тем более, многие вещи не принято называть своими именами. Сколько снято фильмов, сколько пролито чернил, сколько издано книг, чтобы «доказать» любой ценой – Петр Первый имел все основания убить своего старшего сына. Екатерина II, если принимать всерьез бредни очередного сериала, сделалась благонаправной и богомольной. Внебрачные дети Петра Первого рождались, надо полагать, от Духа Святого, не иначе.

Другая крайность – мерзкие подглядывания в щелку, совершенно холуйские по духу живописания брачной ночи Петра и Евдокии, похабные выдумки о половой жизни Екатерины, грубые и глупые анекдоты.

Автор книги, к которой я пишу предисловие, справедливо вспоминает слова философа Эриха Юрьевича Соловьева: «Люди минувших эпох живы для нас благодаря особому рода общественной практике – мемориальной. Она обеспечивает постоянное присутствие прошлого в актуальном сознании и препятствует тому, чтобы мы его подменяли или сочиняли».

Он вносит важный вклад в эту общественную практику – пытается осмыслить прошлое с позиции наук, которые появились совсем недавно: клинической психологии и исторической психологии.

Цитирую автора: «Применяя выбранную методику определения психотипов и используя психологический анализ, ответим на целый ряд вопросов «почему?». Почему Петр I жил в помещениях с низкими потолками, сидел на неудобных стульях, спал на короткой для своего роста кровати? Почему, имея 38-й размер ноги, носил ботфорты 45-го размера? Почему в десять лет у будущего царя закончилось системное образование и чем можно объяснить эпизоды откровенной трусости Петра? И еще множество «почему?»».

Разумеется, книга вызовет, во-первых, несогласие со многими выводами автора. Но ведь перед нами – не истина в последней инстанции, а один из возможных взглядов на историю и ее деятелей.

Во-вторых, кто-то обязательно возмутится – как смеет автор говорить о шизоидном или эпилептоидном комплексе императоров?! Не переводятся люди, буквально обожествляющие правителей прошлого. Мало того, что они сами для себя установили этот режим обожествления, они требуют его и от других.

Так вот: автор не обязан просить разрешения думать так, как он думает. Он не обязан считать Петра Первого чем-то вроде боженьки. Сергеев-Лопухин имеет полное право пропагандировать свое видение истории и ее персонажей. Не нравится? Ну и не читай. Возмущен? Напиши опровержение.

Вообще же мемориальная практика больше всего нуждается не в «осуждении» великих людей и не в подглядывании за ними в замочную скважину. В той же степени она нуждается не в идеализации, тем более не

в превращении в икону императоров, полководцев, государственных деятелей и их приближенных.

Мемориальная практика нуждается в понимании сложных переплетений обстоятельств как политической, так и частной жизни, в анализе деятелей прошлого как непростых, неоднозначных личностей, со своими проблемами, странностями, склонностями, заболеваниями.

Автор начал интереснейший разговор и, уже независимо от своего желания, начал развивать новое направление в понимании истории. Мне доводилось писать о психологических характеристиках Петра, и его жен, и Елизаветы Петровны, и Анны Ивановны, и Екатерины II.

Сергей Сергеев-Лопухин делает это системно. Уверен, это только начало такого направления в историографии – и художественных повествований, и профессионально-исторических исследований.

*Буровский А.М. –
доктор философских наук,
кандидат исторических наук, профессор*